

ОМАР ХАЙЯМ

Ауғлине асфоризлы

Омар Хайям
Омар Хайям.
Лучшие афоризмы
Серия «Лучшие афоризмы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23572277
Омар Хайям: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-093378-5

Аннотация

Омар Хайям родился в 1048 году в Нишапуре. Там же учился, позже продолжил обучение в крупнейших центрах науки того времени Балхе, Самарканде и др. Будучи двадцати одного года от роду Омар Хайям написал трактат «О доказательствах задач алгебры и аллукабалы». В 1074 г. возглавил крупнейшую астрономическую обсерваторию в Исфахане. В 1077 г. закончил писать книгу «Комментарии к трудным постулатам книги Евклида». В 1079 г. создал более точный по сравнению с европейским календарь, который официально используется с XI века.

После смены правителя Исфахана обсерваторию закрыли. Омар Хайям совершил паломничество в Мекку, после работал врачом в Хорасане и написал трактат на языке фарси «о

всеобщности бытия». Последние годы жизни Хайям провел в уединении.

Насколько достоверна биография человека, жившего тысячу лет назад? И был ли такой человек на самом деле? Жизнь Омара Хайяма окутана легендами, мифами и домыслами. Сегодня даже невозможно определить, сколько четверостиший подлинно хайямовские, а сколько принадлежат перу его последователей. Очевидно одно – перед нами величайший поэтический гений, чья поэзия пульсирует в такт биению человеческого сердца, часто влюбленного...

Содержание

Омар Хайям	6
Перевод Константина Бальмонта	12
Перевод Ивана Тхоржевского	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Омар Хайям

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Омар Хайям

خیام. عمر

Хайям (Гиясаддин Абу-ль-Фатх ибн Ибрахим Омар Нишапурский) – персидский поэт-философ, имеющий много поклонников в Европе и Америке, где существуют даже общества его имени.

По-видимому, он был сын нишапурского ткача и продавца палаток и родился около четверти XI века, если не позже. Обстоятельства его молодости и воспитания неизвестны. Общепринят рассказ о том, как около 1034 года Хайям был школьным товарищем будущего сельджукского визиря Низам Аль-Мулька и будущего основателя секты ассасинов Хасана Саббаха, как они поклялись друг другу в дружбе и как Низам Аль-Мульк, достигнув визирства у Мелик-шаха, оказал обоим товарищам протекцию. Таким образом объясняется получение Хайямом должности астронома султанской обсерватории в Мерве.

Старейшая биография Хайяма свидетельствует только, что Хайям в философских науках был равен Ибн-Сине (Авиценне), которого он читал даже перед смертью и «греческую науку» которого преподавал другим; он был прекрасным математиком-алгебраистом и астрономом, хорошо знал историю, филологию и мусульманское законоведение; его обществом дорожил султан Мелик-шах; у него просил научных объяснений знаменитый философ-скептик, прозванный «доказательство ислама», шейх Газзалий. Учеников Хайяма неприятно поражали только его резкость и желчность.

Свои философско-поэтические идеи Хайям облакал в

форму рубайат (четверостиший), которая введена была в персидскую литературу незадолго до Хайяма и которой пользовался также Ибн-Сина. По содержанию рубайат Хайяма оказываются прямым продолжением рубайат Ибн-Сины, но по форме – несравненно выше: они отличаются выразительной сжатостью и художественностью, глубоким элегическим чувством, иногда метким, насмешливым остроумием. Так как во многих новейших списках попадают рубайат, не имеющиеся в других списках, то общая совокупность их доходит до тысячи двухсот; наиболее общепринятых – около пятисот; в старейшем бодлеянском списке 1461 года их четыреста пять, но, как показано профессором Жуковским, даже в этом списке есть по меньшей мере одиннадцать рубайат, принадлежащих не Хайяму. Интерполяции объясняются тем, что диван Хайяма, преследуемый мусульманским духовенством, мог переписываться только тайно, и открытая критика текста была невозможна.

В тех рубайат, подлинность которых менее сомнительна, Хайям является глубоким мудрецом элегического настроения. Он мучится вопросами бытия; с печалью указывает, что мы, быть может, попираем ногами не землю, а истлевший мозг мудрого и гордого человека или щеку красавицы; грустно констатирует, что и рождение, и смерть каждого человека совершенно не нужны, и что над Вселенной тяготеет тупой рок; в своей горечи иногда задает укоризненные вопросы самому Богу и обвиняет Его в мировом неустройстве. То

разрешение задач жизни, которое предлагает ислам, кажется Хайяму полным противоречий, а мусульманские представления о загробной жизни с Мухаммедовым раем и адом – смешными; мусульманское духовенство с его узким догматизмом и жадностью возбуждает в Хайяме желчную злобу и отвращение. Его не удовлетворяет ни одна из позитивных религий, которые в его глазах все не выше и не ниже ислама. Исход для себя Хайям, судя по иным рубайат, видит в суфийском мистицизме, причем, однако, те суфии, которые проявляют ханжество и лицемерие, ему столь же противны, как и обыкновенное исламское духовенство. Хайям проповедует уничтожение эгоизма, нравственную чистоту, тихую созерцательную жизнь пантеиста, теплую любовь ко всеобъемлющему Богу, понятому не в догматическом смысле, а в стремлении к царству вечного, светлого и прекрасного.

В полном соответствии с этими рубайат Хайяма находится биографическое сообщение, по которому Хайям почти с последним вздохом закрыл философскую книгу «Исцеление» Ибн-Сины на отделе «О едином и многом» и, произнеся молитвенную благодарность Богу за то, что Его познал, скончался.

Многие рубайат, указывая на бесцельность мира, необязательность коранских предписаний и нелогичность мусульманского рая и ада, предлагают, наоборот, исход гедонический; советуют отдаться без стеснения вину, любви и беззаботному пользованию жизнью и воспевают красоту весен-

ней, пробуждающейся природы, которая манит к наслаждению. Рубайат этого разряда пользуются особенной любовью большинства читателей, как азиатских, так и европейских, и считаются у них за наиболее характерные для Хайяма. Кое-кто с большой натяжкой хочет их истолковать мистически.

Современные комментаторы объясняют взаимное противоречие между рубайат Хайяма тем предположением, что в них отражаются разные фазы духовного развития автора: эпикурейские рубайат могут относиться к раннему, молодому периоду жизни Хайяма. Иного мнения держится профессор Жуковский, находя, что так называемый диван Хайяма полон интерполяций из других авторов и что в восьмидесяти двух интерполированных рубайат сорок три процента отведено мрачному пессимизму, а тридцать три процента – вину, любви и наслаждениям.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Перевод Константина Бальмонта

* * * * *

Поток времен свиреп, везде угроза,
Я уязвлен и жду все новых ран.
В саду существ я сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

* * * * *

Если в лучах ты надежды – сердце ищи себе, сердце,
Если ты в обществе друга – сердцем гляди в его сердце.
Храм и бесчисленность храмов меньше, чем малое
сердце,
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи себе сердце.

* * * * *

Когда я чару взял рукой и выпил светлого вина,
Когда за чарою другой вновь чара выпита до дна,
Огонь горит в моей груди, и как в лучах светла волна,
Я вижу тысячи волшебств, мне вся вселенная видна.

* * * * *

Этот ценный рубин – из особого здесь рудника,
Этот жемчуг единственный светит особой печатью.
И загадка любви непонятной полна благодатью,
И она для разгадки особого ждет языка.

Перевод Ивана Тхоржевского

Ты обойден наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен ветер: в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...

* * * * *

Не станет нас. А миру – хоть бы что!
Исчезнет след. А миру – хоть бы что!
Нас не было, а он сиял и будет!
Исчезнем мы... А миру – хоть бы что!

* * * * *

Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки сиянья, в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке... Сладостно кипят.

* * * * *

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

* * * * *

Весна. Желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья – чудо Моисея...
И сладко дышит Иисус весной.

* * * * *

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? – мы с тобой.
Подвигают, притиснут – и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

* * * * *

Мир с пегой клячей можно бы сравнить,
А этот всадник, – кем он может быть?
«Ни в день, ни в ночь, – он ни во что не верит!»
– А где же силы он берет, чтоб жить?

* * * * *

Без хмеля и улыбок – что за жизнь?
Без сладких звуков флейты – что за жизнь?
Все, что на солнце видишь, – стоит мало.
Но на пиру в огнях светла и жизнь!

* * * * *

Пей! И в огонь весенней кутерьмы
Бросай дырявый, темный плащ зимы.
Недлинен путь земной. А время – птица.
У птицы – крылья... Ты у края тьмы.

* * * * *

Умчалась юность – беглая весна —
К подземным царствам в ореоле сна,
Как чудо-птица, с ласковым коварством,
Вилась, сияла здесь – и не видна...

* * * * *

Мечтанья прах! Им места в мире нет.
А если б даже сбылся юный бред?
Что, если б выпал снег в пустыне знойной?
Час или два лучей – и снега нет!

* * * * *

«Мир громоздит такие горы зол!
Их вечный гнет над сердцем так тяжел!»
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!

* * * * *

Проходит жизнь – летучий караван.
Привал недолог... Полон ли стакан?
Красавица, ко мне! Опустит полог
Над сонным счастьем дремлющий туман.

* * * * *

В одном соблазне юном – чувствуй все!
В одном напеве струнном – слушай все!
Не уходи в темнеющие дали:
Живи в короткой яркой полосе.

* * * * *

Добро и зло враждуют: мир в огне.
А что же небо? Небо – в стороне.
Проклятия и яростные гимны
Не долетают к синей вышине.

* * * * *

Кто в чаше жизни капелькой блеснет, —
Ты или я? Блеснет и пропадет...
А виночерпий жизни – миллионы
Лучистых брызг и пролил и прольет...

* * * * *

Там, в голубом небесном фонаре,
Пылает солнце: золото в костре!
А здесь, внизу – на серой занавеске
Проходят тени в призрачной игре.

* * * * *

На блестку дней, зажатую в руке,
Не купишь тайны где-то вдалеке.
А тут – и ложь на волосок от правды.
И жизнь твоя – сама на волоске.

* * * * *

Хоть превзойдешь наставников умом,
Останешься блаженным простаком.
Наш ум, как воду, льют во все кувшины.
Его, как дым, гоняют ветерком.

* * * * *

Бог создал звезды, голубую даль,
Но превзошел себя, создав печаль!
Растопчет смерть волос пушистый бархат,
Набьет землею рот... И ей не жаль.

* * * * *

В венце из звезд велик Творец Земли!
Не истощить, не перечесть вдали
Лучистых тайн – за пазухой у Неба
И темных сил – в карманах у Земли!

* * * * *

Мгновеньями Он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.